

Глава IV. "Справедливые" - LOS JUSTICIEROS

Когда Буэнавентура прибыл в Сан-Себастьян, НКТ едва начинала свою деятельность в местности, где ранее преобладало влияние соцпартии и её профсоюзного объединения — ВСТ. До второго съезда НКТ действия анархизма в Стране Басков ограничивались пропагандой в печатных изданиях, выпускаемых редкими группами, существовавшими в этом регионе. Но после забастовки августа 1917 года и сильного роста анархо-синдикализма по всей Испании анархистские группы в Сан-Себастьяне и Бильбао перешли к открытой борьбе и заложили прочные основы своих организаций. В то время на берегу реки Урумеа, в самом её устье, началось строительство казино Эль Гран Курзал. На эту стройку прибыла рабочая сила из Арагона и Логроньо. Анархистская группа из СанСебастьяна, возглавляемая Мойсесом Руисом, полностью посвятила себя организации профсоюзов среди новоприбывших рабочих. Им помогали, конечно, активисты из Сарагосы и Логроньо, среди которых особо выделялись следующие: Марселино дель Кампо, Грегорио Субервьела, Виктор Элисондо, Хосе Руис, Иносенсьо Пина, Клементе Мангадо и Альбадетреку85. Группа была полна энтузиазма, но им не хватало организации. Мойсес Руис, анархист со стажем, быстро понял, что некоторые тактические приёмы не будут встречены жителями этой местности с одобрением, так как те привыкли к подслащённой практике социалистов. Он задумал противостоять социалистической партии на идеологической почве, и для этого прибёг к помощи своего доброго друга Буэнакаса и вызвал его из Барселоны в Сан-Себастьян. У того было врождённое чувство организации и систематизации, известное всем товарищам. В скором времени, как и ожидал Руис, его влияние стало заметным как в обучении активистов, так и в основании первого профсоюза рабочих-строителей. В качестве пропагандиста он выступал на конференциях и не раз вызывал социалистов на открытый спор. Члены соцпартии сразу же заметили «опасность», угрожающую Сан-Себастьяну. В свою очередь, они призвали на помощь своих активистов из других областей, и таким образом в Стране Басков между социалистами и анархистами разгорелась упорная борьба. Баскская буржуазия воспользовалась возможностью этого конфликта, чтобы подорвать единство рабочего класса, и поддерживала парламентский социализм; она разделяла, чтобы властвовать.

“ «Однажды, — пишет Буэнакаса, — к нам в профсоюз пришёл парень — высокий, сильный, с весёлыми глазами. Он поздоровался с нами так доверительно, будто знал нас очень давно. Без долгих вступлений он сообщил нам, показывая членский билет НКТ, что только что приехал в столицу и что ему нужно было устроиться на работу. Как всегда в таких случаях, мы помогли и нашли ему место в механической мастерской в Рентерии. С тех пор и достаточно регулярно после работы он обычно

заходил к нам. Усаживался в уголке, брал со стола из кучи газеты и читал. Он почти не участвовал в дискуссиях и уже поздно вечером уходил в небольшую гостиницу, где мы ему нашли место»

Выражение его лица поразило Буэнакасу. Немного поразмыслив, он наконец вспомнил об их знакомстве. Это был тот неприятный парень, с которым он встретился в Хихоне три года назад. «И вот тогда мне захотелось познакомиться с ним поближе и подружиться». Из наших первых бесед единственное, что я мог узнать, — это то, что несколько лет он прожил во Франции. Но он мне не сказал о причинах и тоже не упомянул о нашей встрече в Хихоне. Я был уверен, что он узнал меня, и мне стало любопытно узнать, почему он не вспоминал об этом эпизоде. Может, потому, что у нас обоих ещё оставалось неприятное ощущение от нашего знакомства? Как бы там ни было, но ни один из нас не упомянул о встрече в Хихоне». Буэнакаса, всегда считавшийся «знатоком людей», продолжает: «Ему нравилось беседовать, но не вести дискуссии. При разговорах он избегал длинных рассуждений и конкретно обсуждал саму тему. Не был ни упрямым, ни фанатичным, а открытым, всегда соглашался со своими ошибками. У него было редкое качество — слушать, принимая во внимание доводы собеседника и соглашаясь с ними там, где он считал нужным. Его работа в профсоюзе была бесшумной, но интересной. Вместе с другими рабочими-металлургами из нашего Профсоюза общих профессий, которые тоже являлись членами Союза металлургов от ВСТ, Дуррути организовал внутри этой организации оппозиционную группу. На собраниях Союза металлургов его голос слышался всё чаще, и не раз руководители-социалисты чувствовали беспокойство, когда он просил слова. Его выступления, происходившие после митингов, были короткими, но действенными. Он выражал идеи просто и, когда называл вещи своими именами, делал это с такой силой и решимостью, что не оставалось места для возражений».

“ «Его кандидатура была выдвинута на ответственные посты в Союзе металлургов, но он никогда не захотел занять их. Его ответ товарищам был таков: меньше всего его интересовали звания. А то, что на самом деле являлось важным, — контроль с низов, с тем чтобы сидящие наверху не забывали о выполнении своих обязательств и не превращались в бюрократов».

“ «Прошло два месяца, наша искренняя дружба всё крепла, и он уже рассказывал о себе. Я со своей стороны, стараясь делать это незаметно, пытался подвести к нему самых лучших активистов из Сан-Себастьяна, которые вскоре завязали добрые отношения с молчаливым леонцем»⁸⁶.

Этими активистами, о которых упоминает Буэнакаса, были: Грегорио Субервьела, бригадир в шахтах; Марселино дель Кампо, каменщик и сын школьного учителя; Руис, сын начальника станции; и Альбадетреку, выходец из буржуазной семьи в Бильбао, порвавший с родственниками из-за идей анархизма. Кроме взаимной симпатии, объединившей их, они основали группу «Справедливые», которая действовала одновременно в Сарагосе и Сан-Себастьяне.

Когда образовалась эта группа, волнения шахтёров и рабочихметаллургов на севере были очень сильными. Росла настоящая эпидемия забастовок, простые работники выходили из подчинения руководства. Правительство Мадрида, которое перед лицом растущей нестабильности назначало военных и местных правителей правителями провинции, поставило на временный пост губернатора Вискайи подполковника Хосе Регералю, ничем не отличавшегося от генерала Мартинеса Анидо, или от подполковника Гражданской гвардии Арлеги. Его первым действием было заявление перед журналистами о намерении «заткнуть синдикализм за пояс». Сразу же за этим и с целью подтверждения своего намерения посредством устрашения он лично избивал заключённых и проводил многочисленные административные аресты⁸⁷.

В Барселоне положение было ещё труднее. Систематические репрессии постепенно достигали своей цели, придавая профсоюзным протестам характер социальной войны. За лидерами рабочего движения буквально охотились банды наёмных «пистолерос», проплаченных буржуазией. Полиция постоянно применяла так называемый закон «расстрела при попытке к бегству». Наиболее подготовленные пролетарские активисты Каталонии находились в застенках. Лишь молодые активисты могли выстоять в этом ожесточённом бою, так как их лица пока не были известны ни полиции, ни «пистолерос».

Национальный комитет НКТ, находившийся в подполье, не мог разрешить создавшуюся проблему и обратился ко всем испанским активистам с призывом предоставить средства и способы сопротивления атакам буржуазии и полиции в Барселоне. Но всё было напрасным. За линчеванием в общественных местах следовало беспощадное и непрерывное преследование со стороны властей. «Цвет наших активистов, — пишет Буэнакаса, — оказывался перед однозначной угрозой: убивать самим, бежать или попасть в тюрьму. Наиболее рьяные защищали свою жизнь и убивали; стоики и храбрецы умирают, получая выстрел в спину; трусы и осторожные бегут или прячутся; а беспечные погибают в тюрьмах»⁸⁸. Такое наступление правительства и предпринимателей являлось одной из самых крайних и отчаянных мер, которые применяли правящие классы против подъёма синдикализма в Барселоне и роста политической зрелости пролетариата. Итак, буржуазия, в конце 1919 года бросившая на улицу 200 тыс. безработных и вынужденная отступить, теперь прибегала к этой вопиющей агрессии.

«Справедливых» не могли не затронуть призывы, поступавшие из Барселоны, — они решили, что «наиболее действенным способом оказания помощи товарищам будет превращение всей Испании в огромную Барселону»; но для этого «необходимо действовать согласно стратегическому плану, который нельзя пока осуществить». Тем не менее они часто намеревались «отправиться в Барселону, чтобы занять пустующие в результате борьбы посты»⁸⁹. Не один раз Буэнакаса должен был вмешаться, применяя свой моральный авторитет, чтобы сдержать юношеские порывы, рекомендуя парням остаться в Сан-Себастьяне, где социальная борьба имела такое же важное значение, как и в Барселоне, хотя и не казалась столь захватывающей»⁹⁰. Событие, произошедшее в Валенсии 4 августа 1920 года, сильно повлияло на «Справедливых». Речь шла о покушении, совершённом группой анархистов против бывшего губернатора Барселоны Хосе Маестре де Лаборде, графа де Сальватьерра. Во время его правления в правительстве каталонской столицы он позволил применение «расстрела при попытке к бегству» по отношению к 33

синдикалистам. В ответ на эту репрессию анархисты из Валенсии решили ликвидировать его. Само правительство было глубоко потрясено этим фактом. Делая попытки сдержать злоупотребления своих чиновников на местах, оно не могло скрыть того факта, что его власть и резолюции действовали лишь в пределах министерства внутренних дел, в то время как в Барселоне жестокость властей росла с каждым днём.

Для группы «Справедливых» это покушение было образцовым. Вскоре они приступили к организации другой акции — против губернатора Бильбао Регераля, чьи репрессии были чрезмерно жестокими. Активисты были заняты подготовкой акта, когда узнали о присутствии Альфонсо XIII на открытии казино Эль Гран Курзал. План «Регераль» был отменён. «Мы решили, что покушение на Альфонсо XIII принесёт бóльшую пользу делу пролетариев»⁹¹. А наиболее удобным способом привести план в действие, казалось, была установка мины в зале, где планировалось провести приём гостей. Под руководством Субервьелы и с территории ближайшего дома начались подземные работы. Дуррути поручили приобретение взрывных материалов и их хранение⁹².

Работы были тяжёлыми и изнурительными; когда дошли до фундамента здания, продвигаться дальше стало трудно. Место, откуда начинался туннель, было замаскировано под склад угля. Тем не менее полиция заподозрила неладное из-за большого количества мешков с землёй, извлекаемых оттуда. Проверка обнаружила заговор. Группа, занятая на рытье туннеля, после перестрелки была вынуждена скрыться. Дуррути в то время находился в Хихоне, и по возвращении его ждал неприятный сюрприз: после раскрытия плана он, Субервьела и Марселино дель Кампо обвинялись как заговорщики. «При таких обстоятельствах, — сказал им Буэнакаса, — вам нельзя оставаться в Сан-Себастьяне. Я всё устроил для вашего отъезда в Барселону»⁹³.

Отъезд из Сан-Себастьяна был нелёгким. Вся полиция искала «трёх опасных анархистов, разоблачённых местной прессой»⁹⁴. Железнодорожные рабочие, хорошие знакомые Буэнакасы, помогли преследуемым скрыться в грузовом составе, державшем путь на Сарагосу; таким образом товарищам удалось обмануть охрану⁹⁵.

Версия #2

Зверобой создал 12 июля 2025 22:53:36

Зверобой обновил 5 августа 2025 12:31:57